

УДК 316.613.5

**Сукиасян С.Г.^{1,2,3}, Погосян В.В.², Худоян С.С.², Чаликян А.Н.⁵,
Шавердян Г.М.⁴, Жмури И.Е.⁶**

¹Медицинский реабилитационный центр «Арт-мед» (г. Ереван, Армения)

²Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна (г. Ереван)

³Ереванский государственный медицинский университет им. М. Гераци (Армения)

⁴Ереванский государственный университет (Армения)

⁵Поликлиника № 11 (г. Ереван, Армения)

⁶Московский государственный областной университет

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ АРМЯН К ГЕНОЦИДУ 1915 ГОДА: ДАННЫЕ ПОИСКОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

**S. Sukiasyan, V. Poghosyan,
S. Khudoyan, A. Chalikyan, G. Shaverdyan, I. Zhmurin**

¹Medical Rehabilitating Center "Art-med", Yerevan, Armenia

²Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan, Yerevan

³Yerevan State Medical University named after M. Geratsy, Armenia

⁴Yerevan State University, Armenia

⁵Polyclinic № 11, Yerevan, Armenia

⁶Moscow State Regional University, Psychological Consulting Department

THE ATTITUDE OF CONTEMPORARY ARMENIANS TOWARDS THE GENOCIDE OF 1915: EXPLORATORY RESEARCH DATA (ETHNIC AND PSYCHOLOGICAL ASPECT)

Аннотация. В статье представлены результаты поискового исследования, осуществленного в Армении методом опроса специально разработанной анкетой. В рамках эмпирического исследования уточнено понятие «геноцид», которое предполагает целенаправленную деятельность, организованную государством или другой властью, общественной системой по полному или частичному уничтожению определенной общественной группы. Полученные данные позволили провести предварительную оценку психологического статуса и отношения потомков жертв геноцида к самому геноциду, а также этносу, совершившему геноцид.

Ключевые слова: геноцид, геноцид армян, идентичность, национальная идентичность, историческая память, постстрессовое развитие.

Abstract. The article presents the results of an exploratory research carried out in Armenia by using a specially developed questionnaire survey. The empirical study clarified the concept of «genocide», which involves the purposeful activity organized by a state or other authority or public system with the purpose of complete or partial destruction of a specific social group. The obtained data allowed to conduct a preliminary assessment of the psychological status and the relationship of the descendants of the victims of the genocide to the genocide itself, as well as to the ethnic group which committed genocide.

Key words: genocide, genocide of Armenians, identity, national identity, historical memory, development of post-traumatic stress.

Геноцид в общем смысле – это массовое убийство значительного числа людей, осуществляемое не в ходе военных действий против регулярных сил открыто заявленного противника, а в условиях полной незащитности и беспомощности его жертв [6].

Геноцид есть такая целенаправленная деятельность, организованная государством или другой властью, общественной системой, где мотивом этой деятельности выступает полное

или частичное уничтожение (посредством массовых убийств, нанесения серьезного физического или психического вреда, депортации, ассимиляции, целенаправленного создания условий, несовместимых с выживанием или с биологическим воспроизводством и т. п.) определенной общественной группы (национальной, этнической, расовой, религиозной, политической или какой-либо иной) [1].

Государственная или другая наделенная властью группа, замышляющая геноцид, соответствующим образом готовит общественное мнение. С этой целью в сознании людей формируется образ отвратительного, коварного, подлого и трусливого врага – будущей жертвы геноцида. Людям внушается, что уничтожить такого врага – долг каждого доброго христианина или мусульманина, каждого честного человека, каждого патриота и т. п. Для формирования образа врага используются всем хорошо знакомые физические или социально-культурные особенности намеченной жертвы геноцида (национальные, конфессиональные, профессиональные или какие-либо иные); эти особенности наделяются правдоподобными, а чаще – откровенно лживыми, но обязательно вызывающими отрицательные эмоции, ассоциациями [1].

Примерами тому служат многие акции правительства как Османской империи, так и правительства младотурков на рубеже XIX–XX вв., особенно в период Первой мировой войны. Это и провозглашение христиан (как армян, так и греков, ассирийцев) врагами государства, и экспроприация армян и евреев, и разоружение армян, служащих в турецкой армии, и планомерное истребление армянского населения, начавшееся с уничтожения творческой и интеллектуальной элиты народа [10].

Актуальность

Психологические проблемы геноцида, в частности геноцида армян 1894–1923 гг. в Турции, сравнительно мало изучены (осо-

бенно в эмпирическом плане). Из немногочисленных работ можно отметить труды J. Altounian [8; 9], H. Piralian [14], A. Kalayjian, D. Eugene [13], M. Hovanessian [11; 12], J.-C. Samuelian, X.-Y. Zendjidjian [15], B.L. Zekuyan [16] и многих других. Особый интерес представляют исследования, посвященные психологическому влиянию геноцида на последующие поколения. Например, многие психотерапевты утверждают, что травма геноцида психогенетическими механизмами передается поколениям и воздействует на их телесное и психическое здоровье, установки, поведение [7]. Психологическое исследование геноцида предполагает, что он должен быть рассмотрен как длительный процесс межэтнических отношений и этнополитики, который включает следующие этапы: а) психологическую подготовку, б) реализацию, в) оправдание и забвение содеянного, отрицание (психологическое вытеснение из памяти) [3]. Геноцид является важным составляющим современной истории и политики Армении. Однако, кроме сугубо исторического и политического, феномен геноцида является актуальнейшим психологическим фактором для армянского этноса. А в свете новейших тенденций в истории армянского народа этот фактор актуален и для армянского государства. И прежде всего потому, что геноцид, как по сути своей, так и по содержанию, является экстраординарным травмирующим событием, как для отдельной личности, так и для огромных масс людей, переживших это травматическое событие.

Психологические последствия геноцида должны быть исследованы в двух аспектах:

- 1) психологические воздействия геноцида как на ту часть этноса, которая непосредственно подверглась насилию, но спаслась, так и на следующие поколения: на формирование их психического склада личности, представлений о будущем, целеполагании, а также о воздействии на этническую социализацию новых поколений;
- 2) о воздействии этого чудовищного преступления на агрессоров, преступников и на их наследников [3].

Материал и методы исследования

В контексте первого аспекта мы провели поисковое исследование, учитывая следующее обстоятельство: геноцид разделил армянский народ на две части – тех, кто вынужден был покинуть свою историческую родину, и тех, кто остался там жить. Для первых, фактически, геноцид стал формирующим и консолидирующим диаспору фактором. Именно этим армянская диаспора на Западе отличается от всех других диаспор – украинской, русской, литовской и других. Каково отношение современных поколений армян к геноциду 1915 г.? Чем является диаспора для той части народа, которая осталась на Родине? Сегодня, спустя почти 100 лет, есть возможность ответить на эти вопросы. Мы попытались приблизиться к ним, прове-

дя исследование среди прямых и не прямых потомков жертв Великого геноцида.

Мы провели поисковое исследование среди жителей Армении с помощью разработанной инициативной группой (С.Н. Матвоян, С.С. Худоян, С.Г. Сукиасян) анкеты. Русский вариант анкеты был применен нами среди наших соотечественников, живущих в России, армянский вариант – в Армении. Было разослано свыше 200 анкет – бумажных и электронных. Респондентами стали 141 человек.

Характеристика материала

Среди обследованных было 108 женщин (76,6%) и 33 мужчины (23,4%) (табл. 1). Средний возраст опрошенных – 37,44±13,56 лет. Все они армяне, граждане РА, практически

Таблица 1

Характеристика материала

№ пп	Параметр	Абс	%
1.	Обследовано	141	100,0
2.	Пол: м+ж	108+33	76,6+23,4
3.	Средний возраст	37,44±13,56	
4.	Национальность и гражданство	Армяне, РА	
5.	Тип семьи:		
	моноэтническая	135	95,74
	полиэтническая (арм+рус)	4	2,84
6.	Место жительства:		
	города (Ереван, Армавир, Эчмиадзин, Абовян)	126	89,36
	деревни	15	10,64
7.	Место рождения:		
	Армения (АрмССР, РА)	129	91,49
	другое (Грузия, Азербайджан)	12	8,51
8.	Место рождения родителей:		
	Армения (АрмССР, РА)	110	78,01
	другое (Турция, Иран, Азербайджан, Грузия, Россия)	31	21,99
9.	Ближайшее окружение (семья, друзья)		
	армянское, армяноязычное	136	96,46
	иноязычное	5	3,54
10.	Армянский язык как средство общения		
	дома	4,81	–
	среди друзей	4,74	–
	в ближайшем окружении	4,81	–

все родившиеся в моноэтнических семьях (n=135; 95,74%). Лишь в 4-х случаях (2,84%) родители (мать) респондентов принадлежали к разным этносам (русская, гречанка, еврейка). Большинство их (n=126; 89,36%) жило в городах – Ереван, Армавир, Эчмиадзин, Абовян). За исключением 12 случаев (8,51%), все респонденты (n=129; 91,46%) родились и жили в Армении.

Родители наших респондентов в большинстве своем (n=110; 78,01%) были уроженцами Армении, примерно в каждом 5-м случае (n=31; 21,99%) родители были родом из Турции, Ирана, Азербайджана, Грузии, России. Их ближайшее окружение – семья, друзья – в подавляющем большинстве было армянским и армяноязычным (n=136; 96,46%). Армянский язык был основным средством общения в семье (дома), среди друзей и в ближайшем окружении (соответственно 4,81, 4,74 и 4,81 баллов по 5 балльной системе оценок).

Представляется совершенно естественным, что вторым языком общения дома, среди друзей и в ближайшем окружении был русский (соответственно 1,82, 1,56 и 1,32 баллов по 5-балльной системе оценок). Уровень владения языком – понимание, речь, чтение, письмо – был высоким: от 4,52 до 5,0 баллов.

20 опрошенных были в возрасте 17-20 лет (родившиеся в годы независимости), 33 опрошенных – в возрасте 21-30 лет (сформировавшиеся в годы независимости), в возрасте 31-40 лет были 35 опрошенных, 23 – в возрасте 41-50 лет, 30 – в возрасте старше 51 года. Иными словами, обследованная выборка состояла из двух групп: родившиеся и сформировавшиеся в период независимости (возраст до 30 лет, n=33; 45,21%; 22,51±3,87 лет) и старше 30 лет (n=88; 62,4%; 46,43±9,05).

Обследованная группа отличалась достаточно высоким уровнем образования: неполное высшее и высшее образование имели 117 респондента (83%). Это уже состоявшиеся или будущие врачи, психологи, педагоги, журналисты, биофизики, историки и экономисты.

На период обследования 55,32% (n=78) опрошенных состояли в браке, 44,68% (n=63) из

них были одинокие, при этом 34,75% (n=49) – холостые. Среди тех, кто не состоял в браке, большинство (n=43; 68,25%) предпочитали иметь супругу (супруга) своей же национальности; 23,8% (n=15) были равнодушны к национальности своей будущей половины и еще 6,35% (n=4) никогда не задумывались над этим.

Несмотря на достаточно долгую «атеистическую» историю (годы советской власти), большинство респондентов (n=110; 78,01%) были верующими. И всего 5 (3,55%) считали себя атеистами.

Традиции на Востоке, как известно, выполняют существенную общественно-политическую роль, влияя на многие социальные процессы. В отношении армянских обычаев и традиций были достаточно осведомлены более половины респондентов: хорошо осведомлены 42,55% (n=60), очень хорошо осведомлены 17,73% (n=25) респондентов. Абсолютно всем традициям следуют 14,89% (n=21), многим традициям следуют 35,46% (n=50) человек; 46,81% (n=66) опрошенных следуют армянским культурным обычаям и традициям в небольшой степени.

Соглашаясь с утверждениями о том, что являются частью армянской культуры (3,7 балла), что горды (4,63 балла) и счастливы (4,04 балла) своей принадлежностью к армянству, вместе с тем респонденты (на уровне 1,29 баллов) отмечали обременительность своей принадлежностью к армянскому этносу. Причем на утверждение «Принадлежность к армянской культуре обременительна для меня» не ответили («0» баллов) 11,35% (n=16) респондентов, 1 балл указали 68,8% (n=97). 8,51% (n=12) человек отметили 2 балла, 5,67% (n=8) – 3 балла, 2,13% (n=3) – 4 балла и 5 баллов отметили 3,54% (n=5). То есть 16 респондентов (11,35%) выразили согласие с данным утверждением.

Обсуждение

Приступая к основной части нашего общения, а именно к пониманию и анализу феномена геноцида, отметим, что перед на-

шими респондентами были поставлены вопросы относительно их восприятия, представлений, понимания феномена геноцида. Мы исходили из того, что отношение личности к действительности, наряду с другими, определяется теми страданиями, а в широком смысле, тем жизненным путем и опытом, который проходит и имеет каждая личность. Мы учитывали их знание (в том числе непосредственное) Турции, их личный травматический опыт.

В этом аспекте мы провели опрос среди наших респондентов в отношении перенесенных ими тяжелых жизненных стрессов. Было установлено, что тяжелые стрессы в анамнезе наблюдались у 107 респондентов (75,89%), которые отметили в общем 125 случаев психической травмы (стресса). Наиболее частый стресс, выявленный у респондентов, – смерть родных людей (n=65; 52,0%). Далее отмечались катастрофические события (n=23, 18%), несчастные случаи (n=12, 9%), в редких случаях отмечались насилие, участие в боевых действиях и т. д. Кроме наличия психических травм в анамнезе, мы обследовали актуальный психический статус тех, кто участвовал в опросе с применением госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS). Результаты, полученные в ходе исследования этой шкалой (см. табл. 2), показали интересные данные в отношении психического статуса, в частности, его аффективной составляющей. Оказалось, что большинство «здоровых» респондентов (n=86; 61%) обнаруживают уровень тревоги и депрессии, соответствующий клиничес-

кому – 15,67 балла, еще 21 обследованных (14,89%) имели расстройство на субклиническом уровне. Иначе говоря, здоровыми оказались всего 34 респондента (24,11%), то есть – каждый четвертый.

Первую информацию о геноциде участники опроса получили от своих бабушек и дедушек (n=51; 36,17%), родителей (n=48; 34,04%); «первоисточник» оставался неизвестен у 32 респондентов (22,7%). Большинство узнало о геноциде еще в дошкольном возрасте – до 7 лет (n=67; 47,52%), в школьном возрасте (от 8 до 15 лет) – 60 набл.; 42,55%. Первые познания о геноциде вызвали у респондентов гамму различных чувств: наиболее выраженные – душевная боль (n=65; 46,10%), желание мести (n=56; 39,72%) и гнев (55; 39,01%), менее выраженные – злоба (n=27; 19,15%), обида (n=31; 21,99%), унижение (n=15; 10,64%); никаких чувств не испытали 5 человек (4,11%).

Далеко не преувеличение – бытующая в нашей среде мысль о том, что нет армянской семьи, которая не понесла потери в результате геноцида, будь то среди прямых и дальних родственников. Так, на наличие жертв среди прямых предков указали 64 опрошенных (45%), не знали о прямых жертвах 35 (25%), отметили отсутствие жертв 42 (30%). Структура жертв среди прямых предков была представлена следующим образом: убитые (n=31; 22%), без вести пропавшие (n=23; 16%), изгнанные (n=28; 20%), потерявшие дом и имущество (n=36; 25%). 16% респондентов (n=22) на этот вопрос ответа не дали. Наличие жертв геноцида среди дальних родственников отметили 63 респондента (45%), не знали

Таблица 2

Данные госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS)

№ пп	Уровень расстройства (в баллах)	Количество обследованных	%	среднее значение симптома
1.	0 - 7 (норма)	34	24,11	3,82
2.	8 – 10 (субклинический уровень)	21	14,89	8,83
3.	11 и больше (клинический уровень)	86	60,99	15,67
4.	Итого:	141	100,00	9,44

о них 53 опрошенных (37%), отрицали их наличие 25 (18%). Среди родственников были убитые (n=27; 23%), без вести пропавшие (n=22; 19%), изгнанные (n=29; 13,70%), потерявшие дом и имущество (n=37; 32%). Уже с возрастом интерес к проблеме геноцида армян удовлетворялся сведениями и информацией из всевозможных источников, среди них: 1) школьные учебники – n=74, 52,48%; 2) институт – n=11; 7,8%; 3) специальная литература – n=35, 24,82%; 4) СМИ – n=30, 21,28%; 5) родственники – n=55, 39,01%; 6) друзья – n=11, 7,8%; другое – n=3, 2,13%.

Один из самых важных вопросов, связанных с геноцидом, – это вопрос о его причинах: почему был геноцид, в чем его причины и кто виноват в том, что он состоялся. Об этом достаточно много написано в армянских, турецких и других источниках. Мы попытались выяснить, что думают об этом современные поколения армян. Ответы респондентов не ограничивались только констатацией или отрицанием того или иного утверждения; они оценивали каждое утверждение по 5-бальной системе (от 1 до 5). Результаты представлены в табл. 3.

Осуществление геноцида связывали с этническим фактором немногие – турок обвиняли 14 человек (9,93%) и курдов – 23

(16,31%). Подавляющее большинство опрошенных (n=126; 89,36%) были уверены, что геноцид осуществило турецкое правительство; чуть больше было тех, кто считал, что геноцид осуществили турецкое правительство и турецкий народ.

В период проведения настоящего исследования ни один из участников опроса не оставался равнодушным к этой проблеме. Все участники опроса отмечали наличие того или иного чувства по поводу геноцида армян. Наиболее выраженными чувствами были гнев (3,82), обида (3,50), грусть (3,54) и ненависть (3,38 балла). Вместе с тем такие чувства, как вина (1,33), стыд за себя (1,52), страх (1,48) и подавленность (1,84) замыкали этот эмоциональный ряд. В середине этого эмоционального континуума были такие чувства, как злоба (3,16), стыд за турок (2,71), унижение (2,32), беспокойство (2,24).

Ответы на вопрос о возможности примирения с турками можно разделить на три неравные группы: оптимизм – опасение – отрицание (в пассивной и активной форме). В группе «оптимистов» оказалось 33 человека (23,40%); в группе тех, кого пугает идея примирения, – n=60 (42,56%): страх – 6 чел. (4,26%), беспокойство – n=35 (24,82%) и тревога – n=19 (13,48%). В группе отрицающих

Таблица 3

Причины геноцида с точки зрения современных поколений армян

№ пп	Параметр	Степень выраженности
1	Кровожадная природа турок	3,74
2	Идеология младотурков	3,74
3	Армяне жили лучше и богаче турок	2,78
4	Предательство Европы	2,75
5	Неправильная политика армянских политических партий	2,36
6	Отсутствие жизненного пространства для турок	2,35
7	Предательство России	2,31
8	Первая мировая война	2,30
9	Распад Османской империи	2,27
10	Некоторые внутриармянские проблемы	2,22
11	Армяне мешали туркам жить	1,89
12	Предательство армян	1,87
13	Возможно, в чем-то была вина армян	1,62

идею примирения с турками оказались 89 чел. (63,12%): недоумение вызывает сама подобная постановка вопроса – n=50 (35,46%), разочарование – n=6 (4,26%) и возмущение – n=33 (23,40%).

Таблица 4

Возможность примирения с турками

№ пп	Параметр	Абс.	%
1.	Оптимизм	33	23,40
2.	Опасение	60	42,56
a.	страх	6	4,26
b.	беспокойство	35	24,82
c.	тревога	19	13,48
3.	Отрицание (пассивное и активное)	89	63,12
a.	недоумение	50	35,46
b.	разочарование	6	4,26
c.	возмущение	33	23,40

Интересны ответы участников опроса на вопрос о чувствах современных турок по отношению к потомкам армян, переживших геноцид. Следует заметить, что были в Турции, имели непосредственный личный опыт общения с турками, несмотря на кажущуюся привлекательность этой страны (в плане коммерческой деятельности, отдыха, родины предков и др.), всего 15 опрошенных (10,64%). Следовательно, ответы большинства респондентов основаны исключительно на доминирующих стереотипах, общих представлениях, на той информации, которая разными путями доходит до обывателя. Явно негативные чувства к современным армянам со стороны турок отметили 36 опрошенных (25,53%): злобу – n=19 (13,48%), ненависть – n=17 (12,06%). Несколько оптимистический взгляд обнаружили 60 респондентов (35,46%): вина – n=26 (18,44%) и стыд – n=24 (17,02%). Наконец, самые реалистические ответы составили наиболее многочисленную группу – (n=81; 57,45%): «ничего не чувствуют» (n=51; 36,17%) и «они не знают об этом ничего» (n=3; 2,28%). С точки зрения современных поколений армян, геноцид сыграл судьбоносную роль в жизни последующих поколений. 70,92% опрошенных (n=100)

считают, что если бы не было геноцида, их родители были бы счастливее, а 57,45% (n=81) считают, что были бы богаче.

В свете вышеизложенного мы попытались выяснить, что чувствуют современные поколения армян к туркам. Оказалось, что в чувствах к азербайджанцам на первом месте оказалась «антипатия» (3,28 баллов), затем – «ненависть» (2,97 баллов), «безразличие» – 1,82 баллов и положительное отношение – 1,01 баллов. Такое же отношение было к туркам, в несколько более негативной степени – 3,44, 3,06, 1,66, 0,91 и 0,21 баллов.

Подавляющее большинство опрошенных (n=124; 87,94%) считает азербайджанцев, осуществивших геноцид армян в Баку и Сумгаите, подобными туркам. И всего 4 опрошенных (2,84%) их такими не считают. В связи с этим всего лишь 26 респондентов (18,44%) считают возможным примирение с азербайджанцами. В то время как 53 человека (37,59%) отрицают такую возможность, и еще большее их количество (n=59; 41,84%) не определилось.

Мнения о том, изменится ли отношение к туркам после того, как они признают факт геноцида армян, разделились на три группы: «да» ответили 57 чел. (40,43%), «нет» – 38 чел. (26,95%) и «не знаю» – 43 (30,50%). Возникает вполне резонный вопрос: а могут ли армяне простить турок? Всего 5 респондентов (3,55%) ответили положительно, 47 опрошенных (33,33%) считают это в принципе возможным, 41 чел. (29,08%) не определились, и 48 респондентов (34,04%) убеждены, что этого не может быть никогда. Личная готовность каждого респондента простить турок проявилась следующим образом: 75 (53,19%) из 141 опрошенных лично **были готовы** простить турок за геноцид, однако при условиях, которые представлены в табл. 5.

66 (46,81%) из 141 респондентов лично **не готовы** простить турок за геноцид по следующим причинам, представленным в табл. 6.

Как видно из приведенных данных, прощение туркам связано, в первую очередь, с возвратом исторических территорий, во

Таблица 5

Условия, при выполнении которых респонденты готовы простить турок

Условия	количество	процент
если Турция признает геноцид и вернет земли Западной Армении	48	64,00
если Турция признает геноцид и заплатит материальную компенсацию	16	21,33
потому что современные турки невиновны в деяниях своих предков	15	20,00
если Турция признает геноцид	12	16,00
так как христианин должен прощать всех	4	5,33
потому что я сильнее	3	4,00
потому что современные турки другие и отличаются от турок, совершивших геноцид армян	2	2,67
потому что прошло уже много времени	2	2,67
другое	3	4,00

Таблица 6

Причины, по которым респонденты не готовы простить турок

Условия	количество	процент
за такое не прощают	37	56,06
простить означает забыть (оскорбить память) жертв геноцида	20	30,30
прощение будет предательством по отношению к предкам	17	25,76
это будет угрожать нашей безопасности, так как геноцид со стороны Турции может повториться	16	24,24
это противоречит справедливости	12	18,18
это противоречит правосудию	8	12,12
другие причины	3	4,55

вторую – с компенсацией материальных потерь и, естественно, с самим фактом признания геноцида. Среди тех, кто не был склонен прощать, доминировала идея, что «за такое не прощают» (n=37; 56,06%); значительная их часть имела более четкую морально-нравственную установку – «не оскорблять память жертв» (n=20; 30,30%); «предательство по отношению к предкам» (n=17; 25,76%). В 36 случаях (54,54%) сторонники непрощения придерживались принципов правосудия, справедливости и безопасности. Сугобо в эмоциональном плане вопрос о возможном прощении турок за геноцид вызывал у опрошенных ряд реакций. Наиболее выраженными реакциями были злоба (2,66 балла), унижение (по 2,29), грусть (2,28), гнев (2,23) и ненависть (2,16).

Анализ результатов этнопсихологического исследования позволяет отметить, что, по

мнению опрошенных армян, проживающих в Армении, социально-психологическими факторами, объединяющими армянскую нацию, выступают: 1) язык (n=53; 72,6%; 4,26 балла), 2) культура (n=46; 63,01%; 3,81 балла), 3) церковь (n=45; 61,64%; 3,66 баллов) и 4) история (n=44; 60,27%; 3,71 баллов). Интересно, что память о геноциде в качестве интегрирующего нацию фактора, в качестве фактора национальной идентификации респонденты поставили на 5-е место (табл. 7).

Представленная иерархия социально-психологических факторов показывает, что доминирующее влияние на объединение армян оказывают архетипические слои психики, проявляющиеся в ценностно-смысловых значениях, обычаях, традициях, духовных ценностях, мировоззрении и наполняющие язык, культуру и религиозные взгляды современных армян. Указанные проявления явля-

ются фундаментом духовной жизни и выступают наследуемыми архетипами, сокрытыми в коллективном бессознательном нации. По-видимому, именно эти наследуемые архетипы задают общую структуру личности, определяют особенности ее поведения, мышления, проявления чувств, наполняя психику армян конкретным содержанием вне зависимости от их места проживания.

Таблица 7

Факторы национальной идентификации и объединения армян

Параметр:	абс	%	балл
язык	100	70,92	4,15
история	86	60,99	3,73
культура	84	59,57	3,77
церковь	82	58,15	3,75
память о геноциде	66	46,80	3,50
территория	47	33,33	3,13
государство	43	30,50	2,88
другое	6	4,26	0,22

В заключение следует отметить, что накопленный исследовательский материал требует дальнейшего расширения и глубокой психологической интерпретации. Это осмысление следует провести с учетом историко-психологических особенностей современных армян.

Данное исследование подтверждает, что в исторической памяти армян факт геноцида является значимым, эмоционально насыщенным событием, который во многом определяет отношение и концепцию армян относительно турок и азербайджанцев [2; 5].

Несмотря на то, что в иерархии фактор «память о геноциде» занимает только пятое место, по нашему мнению, он выступает значимым показателем, так как отражает «память семьи» о геноциде, представленную в ответах представителей третьего и четвертого поколений, т. е. внуков и правнуков участников этих событий.

Можно сказать, что у армян данное событие не «переварено», проблема не решена, «гештальт» не завершен, геноцид актуален

как на сознательном, так и, по всей вероятности, на подсознательном уровне. Эта незавершенность, вероятно, еще долгие годы будет определять как психический «облик» армян, так и внешнюю политику Армении с Турцией и Азербайджаном.

Фактически проведенное исследование жизни современного поколения армян с точки зрения возможного влияния на нее геноцида, случившегося в истории их семей, показало, что даже значительное количество последующих исторических событий в истории страны, достаточно драматичных и значимых, не покрыли и не снизили это влияние. Масштаб потерь и интенсивность травм, пережитых предшествующими поколениями армян, заставляли предполагать, что существуют отзвуки геноцида в жизни современного поколения армян. Психологический механизм этого раскрывается в трансляции в поколениях, которая определяет функционирование как отдельных индивидов, так и семьи в ряду поколений.

Согласно теории М. Боуэна, то общество, которое поддерживает истинную связь со своим прошлым, знает и осмысливает его через принятие плохих и хороших событий, наиболее успешно справляется с социальными, экономическими и политическими требованиями настоящего.

В нашей работе совместно с российскими коллегами [4] мы не предполагали рассматривать подобные зависимости на макросоциальном уровне, они могут стать предметом будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агаян Г.Ц., Винарская Е.Н. Геноцид в свете теории систем // Геноцид – преступление против человечества: материалы 1-го Московского международного симпозиума. – М., 1997. – С. 148-158.
2. Барсегов Ю.Г. Ответственность государства за геноцид в международном праве и в международной политике // Геноцид – преступление против человечества: материалы 1-го Московского международного симпозиума. – М., 1997. – С. 90-101.
3. Геноцид и задачи психологии // Психология и жизнь (на арм. языке). – 2001. – № 2. – С. 5-6.

4. Матевосян С.Н. Структура феномена прощения в контексте армянского травматического опыта // *Armenian Journal of Mental Health*. – 2011. – 2(2). – С. 7-14.
5. Ованнисян Р.Г. Восемьдесят лет: память против забвения // *Геноцид – преступление против человечества: материалы 1-го Московского международного Симпозиума*. – М., 1997. – С. 58-65.
6. Черни И.В. Подход к более широкому определению геноцида: правовое понятие соучастия в геноциде и геноцид как следствие загрязнения и разрушения природной среды // *Геноцид – преступление против человечества: материалы 1-го Московского международного симпозиума*. – М., 1997. – С. 102-127.
7. Шутценбергер А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы // *Пер. И.К. Масалков*. – М., 2011. – 256 с.
8. Altounian J. Putting into Words, Putting to Rest and Putting Aside the Ancestors: How an Analysand who was heir to the Armenian Genocide of 1915 Worked Through Mourning // *Int. J. Psycho-Anal.*, 1999. – Vol. 80. – P. 439-448.
9. Altounian J., *La survivance. Traduire le trauma collectif*, Dunod, Paris, 2000. – P. 74-88.
10. Dutton, DG., *The Psychology of Genocide*, Massacres, and Extreme Violence: Why «Normal» People Come to Commit Atrocities. – Praeger Security International General Interest-Cloth, Westport, 2007. – P. 27-28.
11. Hovanessian M. *L'écriture du génocide des arméniens: un texte à plusieurs voix*. Writing about the genocide of the Armenian people: a text with several voices. *Journal des Anthropologues*, 1998. – Vol. 75. – P. 63-84.
12. Hovannisian M. (ed.) *Looking Backward, Moving Forward: Confronting the Armenian Genocide*, Transaction Publishers, New Brunswick, London, 2003. – Pp. 231-262.
13. Kalayjian A., Eugene D. (Eds.), *Mass trauma and emotional healing around the world: Rituals and practices for resilience and meaning-making, Vol 2: Humanmade disasters*. Santa Barbara, CA: Praeger. 2010. – P. 287-306.
14. Piralian H. *Genocide et transmission*. Paris L'Harmattan, 1994. 119 p.
15. Samuelian J.-C., Zendjidjian X.-Y. *Exil et nostalgie chez les Arméniens*. *Annales Médico-psychologiques, revue psychiatrique*, 2008. – Vol. 166. № 6. – P. 458-463.
16. Zekiyani B.L. *Armenian-Turkish Relations in the Framework of Turkish and Armenian Scholarships // Iran and the Caucasus*, 2010. – Vol. 14. – № 2. – P. 367-385.